

УДК 17.032

Идея повседневности как основание нравственного поиска личности

Т. И. Врублевская-Токер, старший преподаватель*

В статье рассматривается проблема нравственного поиска личности на материале эвдемонистической этики, проблемное поле и методологические установки которой предполагают особое понимание того, как организован моральный мир человека и его нравственное познание. Основания нравственного поиска личности прослеживаются в контексте проблемы повседневности. Для эвдемонистической этики, предлагающей особый подход к проблеме счастья, идея повседневности позволяет создать объяснительную модель, которая раскрывает особенности понимания идеи счастья, смысла жизни и назначения человека с позиций эвдемонистического подхода.

Ключевые слова: эвдемонистическая этика; повседневность; нравственный поиск; нравственное совершенство; счастье; добродетель.

The Idea of Everyday as a Foundation of Personal Moral Search

T. I. Vroublevskaya-Toker, Senior Lecturer

The problem of personal moral search is considered. Eudemonistic ethics serves a basement of research. Its problem field and methodological settings propose special understanding of how a personal moral world and moral grasp are organized. The foundations of personal moral search are regarded in the context of the problem of everyday. The idea of Everyday dives an explanatory model for Eudemonistic ethics with its specific approach to the problem of happiness. This model reveals how the ideas of happiness, meaning of life and destination of man are seen in the framework of eudemonistic approach.

Keywords: eudemonistic ethics; everydayness; moral search; moral perfection; happiness; moral virtue.

Явления, подобные личному нравственному поиску, обычно оцениваются как «нездешние», возвышенные и оттого крайне сложные, требующие особого склада характера и больших духовных усилий. Такая установка возводит их в ранг недоступного всем и каждому элитарного знания, невидимой линией отделяет их от обычного человека.

А между тем нравственность суть свойство человеческого бытия. «Именно в ней выражена сущность человека. ... В отличие от всех остальных живых существ, люди устанавливают себе правила жизни сами; по крайней мере в рамках своих генетических программ они обладают гораздо большей степенью свободы. Животные просто существуют, а человек способен понимать свое существование, делать его предметом логоса (слова и мысли). Жизнь по самостоятельно установленным правилам и есть нравственность в ее важнейшем значении» [6, с. 99].

Иными словами, поиск нравственных ориентиров — это не только особая духовная деятельность, противоречивая и многообразная в своем содержании, это повседневная практика, организую-

щая жизнь личности, обычное состояние человека, который понимает, что он — человек.

Идея нравственности как самоорганизации личности и сообщества людей последовательно воплощается в целом ряде этических теорий. Одну из ведущих позиций в этом ряду занимает эвдемонистическая этика.

С точки зрения методологии: это натуралистическое учение, здесь источник нравственно положительного, того, что наделяется статусом морального добра, полагается в естественных способностях и стремлениях человека, таких, например, как способность переживать удовольствие и воспринимать нечто как полезное, а также стремиться к этому. В эвдемонистической этике способность различать виды удовольствий и предпочитать одни другим рассматривается как индивидуальное основание нравственности; в соответствии с этим важно не просто культивировать удовольствия или извлекать наибольшую пользу из чего бы то ни было, но важно подчинять свои потребности действию разума, для того чтобы даже самое малое благо воспринимать с наслажде-

* Старший преподаватель кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

нием. «Принцип удовольствия» в эвдемонистической этике можно сформулировать таким образом: «Стремление к удовольствию есть начало морали в человеке, ибо избирающий удовольствие, в сущности, стремится к благу». Человек, которому бывает трудно понять суть нравственной жизни, тем не менее на чувственном и повседневном уровне хорошо знаком с удовольствием. И это может быть признано его личным пониманием блага. Благо — то, что хорошо для человека, то, что ведет его в обратную от саморазрушения сторону.

Тем не менее избрание приятного не есть одновременно избрание хорошего, а только его предпосылка. Поэтому поиски эвдемонистической этики сосредотачиваются вокруг проблемы подлинного и неподлинного удовольствия, т. е. удовольствия, согласного с благом, а значит, с моралью, и тем самым ведущего к счастью, а также удовольствия, которое с благом не соотносится.

Формирование индивидуальной нравственности выглядит тем самым как «восхождение» человека от первичных, естественных проявлений его бытия к определенному образу жизни, которому свойственны самоорганизация и целесообразность. Представители эвдемонистической этики неоднократно описывали этот образ жизни как ее идеальное состояние, к которому стремится человек. Оно известно под разными названиями (эвтюмия, атараксия, эвдемония, счастье), но общим в его содержании является ориентация человека на поиск и обретение жизни, в которой он не был бы подвержен разного рода страданиям (страх, беспокойство, муки совести и т. д.) и одновременно с этим его существование было бы наполнено явлениями положительного свойства (радость, удовольствие, душевный покой, уверенность в себе и т. д.).

Эвдемонистическая этика последовательно отказывается от идеи трансцендентного характера нравственности — жизненные ориентиры человека санкционируются им самим исходя из его понимания собственной природы. Кроме того, нравственность в какой-нибудь предустановленной форме не может существовать до самого человека.

С позиций эвдемонистической этики, предзаданной морали, к которой можно было бы апеллировать, не существует. Радикальным, но показательным примером этому послужит высказывание: «Высокая нравственность есть некое пустое и бесполезное слово, ничего не выражающее и ничего не доказывающее, и ради нее ничего не следует делать. ... Люди руководствуются не добродетелью, а одной лишь пользой, к которой следует все свести» [2, с. 152—153]. Иными словами, мотивом или ориентиром человека не может быть

нечто, лежащее за пределами его существования. Более того, оправдание его жизни также кроется в структурах его наличного бытия.

С этой точки зрения можно признать справедливым выражение «мораль у каждого своя» — становится очевидно, что речь идет не о релятивизации морали и попытках оправдать безнравственность, а об очень важном свойстве морали — о личностной форме морального требования. Тот, у кого нет «своей собственной морали», не может воспользоваться чужой моралью, поскольку она не связана с его нравственным опытом жизни; любая попытка «привить» мораль обречена на провал, поскольку она не станет вполне личной, самостоятельно приобретенной, а значит, необходимой человеку. «Приобретение» личностью морали, таким образом, связывается с ее нравственным поиском, становится повседневной практикой человека.

Эвдемонистическая этика пользуется особым видом рационализма, который предполагает, что нравственное бытие человека укоренено в его моральном опыте и определяется прежде всего им.

Нравственное совершенствование, без которого нельзя достичь предельной цели жизни, счастья, предполагает не перенятие нравственных образцов и не следование определенным нравственным программам, а самостоятельное моральное продвижение, эволюцию в качественном отношении благодаря собственным усилиям. Подобно тому, как «...невозможно представить себе, какая польза будет ткачу или плотнику для их искусства, если они знают это самое благо [само по себе], или каким образом благодаря уразумению... этой идеи врач станет в каком-то смысле лучшим врачом, а военачальник — лучшим военачальником. Ведь очевидно, что врач рассматривает здоровье не так [т. е. не вообще], а с точки зрения здоровья человека и, скорее даже, здоровья «вот этого» человека, ибо он врачует каждого в отдельности» [1, I, 4, 1097a, 15], любой аспект нравственного бытия человека осмысливается и получает оправдание исходя из его сообразности практике и контексту событий, а не наоборот. Можно сказать, что человек сам является источником собственного блага, поскольку, во-первых, от его нравственной деятельности зависит его счастливая жизнь, а во-вторых, счастье как единый образец идеальной жизни для всех не только помыслить, но и вообразить практически невозможно.

Разумность как свойство природы человека предопределяет его поведение и обязывает совершать благие поступки. «...Мы полагаем, что дело человека — некая жизнь, а жизнь эта — деятельность души и поступки при участии суждения,

дело же добропорядочного мужа — совершать это хорошо и прекрасно в нравственном смысле, и мы полагаем, что каждое дело делается хорошо, когда его исполняют сообразно присущей ему добродетели...» [1, I, 6, 1098a]. Человеку дана возможность нравственной деятельности уже в силу того, что он — разумное существо. Вместе с тем сознательно избираемая жизненная цель, счастье не дает человеку никаких оснований для того, чтобы поступать вопреки ее сущности. Нравственной задачей человека является осознание собственного назначения и следование ему, а значит, моральное познание, нравственный поиск оказываются приоритетными, не просто необходимыми, а онтологически присущими личности.

Вместе с тем рационализм эвдемонистической этики имеет особенное содержание потому, что разумность человека, о которой идет речь, будучи его способностью, развивается в ходе жизни и является результатом его опыта. «...Именно на благоразумии основана вся мораль, благоразумие же, или рассудительность, есть не что иное, как результат получаемых из опыта знаний» [4, с. 22].

Основание нравственности личности осмысливается в таких категориях, которые связывают ее не с интеллектуальным поиском, не с разумом как высшим типом познавательной деятельности или способностью постижения абсолютного, а с повседневной деятельностью, с практической стороной отношений и поступков, где признаком моральности личности является ее здравый смысл, рассудительность и благоразумие.

Еще одно методологическое основание эвдемонистической этики — индивидуализм — предусматривает способность человека организовывать свою жизнь в соответствии с нравственными ориентирами исходя из его личных мотивов. Мораль не имеет объективной природной причинности, ее основанием является особая причинность, порождаемая человеком, его потребностями и стремлениями.

Эвдемонистическая этика полагает, что земное бытие и удовольствие не есть прежде всего то, что нужно ограничить определенными едиными правилами. Существование человека — достаточное условие для того, чтобы все феномены его бытия были бы упорядочены некоторым, не противоречащим морали образом. «Судьба не приносит нам ни добра, ни зла, она поставляет лишь сырую материю того и другого. Наша душа, более могущественная в этом отношении, чем судьба, использует и применяет их по своему усмотрению, являясь, таким образом, единственной причиной и распорядительницей своего счастливого или бедственного состояния» [5, с. 72]. Если основанием нрав-

ственности человека являются его природные способности и склонности, то причиной моральной организации жизни выступают его личные интересы.

Вместе с тем опасность релятивизации морали, неизбежно возникающую при так понимаемой причине нравственного поведения, в эвдемонистической этике уравнивается идеей познания человеком собственной природы, дающего возможность разумного обоснования его жизненных ориентиров.

Среди подобных персональных мотивов нравственной жизни эвдемонистическая этика выделяет вот такой ряд приоритетов. «Если мы хотим управлять собственной жизнью, мы прежде всего должны научиться подчинять свои страсти разуму» — такая ориентация способствует и формированию нравственных качеств личности, и постоянному нравственному самоориентированию.

Еще одним мотивом в этом ряду становится стремление к самосохранению. Это также может стать основанием для нравственного самосовершенствования личности, поскольку желание спокойной, безмятежной жизни, совместимой с моральными принципами человека, — весомый стимул к соблюдению нравственных предписаний.

Наряду с этим в числе персональных мотивов выделяется еще один, сопряженный с видением человека своей роли в сообществе. Тот, кто сомневается в ценностном статусе государства, религиозных институтов и даже философских идей, обращается к самому себе, задаваясь вопросом о собственном счастье. В этом случае благоразумие и рассудительность помогают справиться со страхом, агрессией, болью, избежать насилия и иных страданий.

В эвдемонистической этике проводится идея о том, что человек, в сущности, способен, не прибегая ни к каким внешним факторам, будь то общественный статус или богатство, обрести столь необходимое ему душевное равновесие, найти точку опоры для самооправдания в качестве независимого, до известной степени, субъекта общественных отношений и истории в целом.

Еще одним пунктом сосредоточения внимания эвдемонистической этики здесь является индивидуальная составляющая нравственных отношений. Речь идет о том, что в конечном итоге любой человек оказывается в уникальной ситуации выбора жизненных ориентиров, и всякое представление о способах достижения счастливой жизни является всего лишь подспорьем в решении конкретной проблемы. При этом раскрывается особое смысловое поле нравственного поиска личности, очерчиваемое понятиями личного интереса,

пользы, самоорганизации и самоограничения, себялюбия и стремления к счастью.

Проблема нравственного поиска личности, всячески заостряемая в эвдемонистической этике, последовательно раскрывается в контексте идеи повседневности. Несмотря на то что сам термин «повседневность» не употребляется ни одним представителем эвдемонизма и с точки зрения времени его формирования является гораздо более поздним по отношению ко всей эвдемонистической этике, именно он является наиболее созвучным тому, как в эвдемонизме представляется основание личного нравственного поиска.

Человек в своем желании счастья необходимый нравственный опыт и моральные ориентиры жизни получает из того, что называют повседневным, т. е. оно «привычное, упорядоченное, близкое» [3, с. 41]. Безнравственное, напротив, чаще всего переживается в индивидуальном опыте как то, что находится вне обычного порядка вещей, как непривычное и далекое, в частности, от нормы жизни, то, что не вписывается в привычный мир, т. е. «неповседневное» [3, с. 41]. Вместе с тем чем чаще и чем больше все, что не согласуется с моральными представлениями людей, признается обычным и повседневным, «близким» человеку, тем сильнее звучат сигналы о неестественности такой жизни. Безнравственное, становясь повседневным, все равно вызывает отторжение и неприятие, хотя бы на уровне личности. И это может служить еще одним аргументом в пользу последовательной связи повседневности и морали.

В литературе, посвященной идее повседневности, встречается представление о человеке как «нефиксированном животном», который «в соответствии со своей природой должен изобретать намеченный лишь весьма приблизительно порядок, создавать свой мир. В процессе привыкания и освоения навыки человека преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах» [3, с. 41]. Одним из аспектов подобной «нефиксированности» является незаконченность и несовершенство моральных представлений и установок человека. Нравственный поиск есть способ создания собственного мира человека, придание ему очертаний, которые изначально существуют лишь как общие представления о добре и должном. При такой точке зрения на сущность нрав-

ственной жизни личности возникает специфически эвдемонистический подход в понимании проблемы нравственного совершенства. Обычно оно рассматривается как достижимое или недостижимое, как возможное в мире людей или в мире вечном, но все равно необходимое звено в реализации смысла жизни.

Эвдемонистическая этика, связывая счастливую жизнь с нравственным поиском себя, фактически подменяет идею достигаемого совершенства идеей постоянной духовной деятельности, вплетенной в канву привычных событий жизни человека. Счастье, обретаемое благодаря добродетели, не предполагает избавление от добродетели после его обретения. Скорее предполагается качественное изменение личности, чьим повседневным существованием является поведение не в терминах «моральное — безнравственное», а жизнь благодаря морали.

Привлечение идеи повседневности в понимание проблем эвдемонистической этики помогает прежде всего более четко увидеть особенности нравственного поиска личности, понять его роль в человеческом стремлении к счастью. Вместе с тем идея повседневности помогает раскрыть специфические признаки, которыми наделяется понятие нравственного совершенства личности, — его процессуальность, его принципиальное отличие от того, что описывают как ставшее, приобретенное, данное кем-либо или воспитанное, подобно характеру, человеком в себе.

Список цитированных источников

1. *Аристотель*. Никомахова этика / Аристотель // Соч.: в 4 т. — М., 1984. — Т. 4.
2. *Валла, Л.* Об истинном и ложном благе / Л. Валла // Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Л. Валла. — М., 1989.
3. *Вальденфельс, Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-Логос. — М.: Прогресс, 1991. — Вып. 1. — С. 39—50.
4. *Гольбах, П.* Основы всеобщей морали, или Катехизис природы / П. Гольбах // Избр. произведения: в 2 т. — М., 1963. — Т. 1.
5. *Монтень, М.* Опыты. Кн. 1 / М. Монтень. — М., 2000.
6. *Срипник, А. П.* Бытие, логос и нрав. / А. П. Срипник // Этическая мысль. — М., 2002. — Вып. 3 / Отв. ред. А. А. Гусейнов. — С. 99—117.

Дата поступления в редакцию: 10.12.2014 г.